

МАРГО ГЕНЕР

НАЙТИ
ЛАРСЕНА

16+

Марго Генер Найти Ларсена

Серия «Пересеченные миры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41185402

SelfPub; 2019

Аннотация

В жизни простого трудяги есть лучик света – дочка городничего. Прекрасная Элиана, ради которой он готов забраться на самые высокие горы. Но отец девушки его энтузиазма не разделяет и не слишком рад отдать единственную дочь безродному парню. Однако не все золото, что блестит. Как и наоборот. В оформлении обложки использована фотография с сайта pixabay по лицензии СС0.

Содержание

1	4
2	7
3	10
4	13
5	16
6	19
7	22
8	25
9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1

В свете ламп, что развешены по стенам коридора, лицо де-вушки казалось особенно привлекательным. Светлые щеки обрамлены волосами цвета смолы, чувственные губы приоткрыты, будто собирается вскрикнуть, но не решается. В лазурных глазах застыл вопрос.

Она чуть отшагнула и уперлась ладонью в стену. Ларсен даже не пытался противиться – бесстыдно скользил взглядом по ее свежей, молодой фигуре, тонкой талии, перехваченной серебристым поясом, легкому платью в пол, соблазнительному декольте, которое она не задрапировала, поскольку не рассчитывала встретить в своем доме постороннего.

– Ларсен, – прошептала она, опасливо озираясь, – ты что делаешь здесь в такое время. Уже поздно. Тебя увидят и накажут.

Ларсен знал, что приемные часы у городничего с утра и до шести вечера, а сейчас они уже пару часов, как закончились. Но сегодня он собирался рискнуть.

Откинув угольную прядь со лба, он поправил ворот рубахи и проговорил:

– Не беспокойся, Элиана. Я здесь не только для того, чтобы увидеть твоё лучезарное личико.

Девушка растерянно захлопала ресницами, через секунду губы надулись, она произнесла обиженно:

– Как это понимать?

Ларсен усмехнулся и сделал шаг к ней, заключая девушку в объятия.

– Не сердись, милая, – сказал он, – конечно же ты для меня самое важное. И здесь именно из-за тебя.

Девушка попыталась слабо сопротивляться, но скорее для вида, чем в реальной попытке освободиться. Положив ладони ему на грудь, проговорила:

– Тогда я вообще ничего не понимаю. Ты же только сказал, что не собирался со мной видеться.

– Я сказал, Элиана, что пришел сюда не только чтобы смотреть на тебя.

В глазах девушки мелькнул страх, она покрутила головой, и Ларсен ощутил, как ее тело начинает дрожать в его руках.

Запоздало догадавшись, как прозвучали его слова, он поспешил прояснить.

– Это не то, что ты подумала, – сказал он мягко улыбаясь. – Хотя не спорю, ход твоих мыслей мне нравится. Но обещаю, у нас будет время исполнить все задумки, если мой поход к твоему отцу будет успешным.

Глаза девушки расширились, она отшатнулась, раскрыв хорошенький ротик, и Ларсен едва удержался, чтобы не поцеловать ее. Он и так сильно рискует, являясь в дом городничего в такое время и без приглашения. Да к тому же прямо

в коридоре обнимает его единственную дочь, которая одета лишь в одно домашнее платье.

– К моему отцу? Что ты задумал? – наконец выдохнула девушка.

– Что давно следовало осуществить, – ответил Ларсен.

– Только не говори, что...

– Именно, – согласился парень, кивая. – Я собираюсь просить твоей руки.

Элиана охнула, щеки залились румянцем, а губы невольно растянулись в улыбке.

– Ты хочешь жениться на мне? – робко спросила она.

Ларсен отозвался, хмыкнув:

– Ты и сама это знаешь. Давно следовало обратиться к господину Ушу Падэ с этим вопросом.

На секунду в нем шевельнулось беспокойство, он внимательно посмотрел девушке в глаза и произнес:

– Если ты, конечно, согласна. Элиана. Я буду счастливейшим человеком в мире, если ты станешь моей женой, но лишь при условии, что сама этого хочешь.

2

В ее глазах заблестела влага, она подняла на Ларсена взгляд, в котором читалось, какой он болван, если задает такие вопросы. Ее мягкая ладонь легла юноше на щеку, поросшую трехдневной щетиной, Элиана проговорила печально:

– Глупый. Конечно же я согласна. Только отец никогда нам не позволит быть вместе. Он желает отдать меня за купца или баронета. Или еще кого-то, у кого таафей больше, чем мозгов.

– Я не позволю.

Элиана отозвалась еще печальнее:

– Ты же знаешь, что ничего не сможешь сделать. Мой отец городничий, у него власть и деньги. Он не даст дочери выйти за муж за того, у кого за душой ни гроша.

– Его я беру на себя, – уверенно заявил Ларсен.

– В каком смысле? – не поняла девушка, моментально напрыгшись.

Ларсен пояснил:

– Я собираюсь убедить его... Доказать ему, что мои намерения серьезны. И что я достоин породниться в сами, достоин твоей любви. И я смогу обеспечить тебя всем, чем нужно.

Элиана вздохнула, явно собираясь что-то сказать, но в последний момент передумала. Встав на цыпочки, она косну-

ласть губами его губ, и Ларсен на мгновение забыл, зачем пришел в дом городничего.

Лишь, когда она отстранилась, разум вернулся, а Элиана проговорила:

– Удачи, милый Ларсен. Кабинет отца в левом повороте коридора. Иди прямо.

– Вот увидишь, – проговорил юноша, – все получится.

Прежде, чем она успела ответить, Ларсен прильнул к ее губам, не давая опомниться. Они мягкие, теплые, и отрываться от них настоящая мука, но все же он совладал с жаром, который уже пополз вниз, и отстранился.

Затем развернулся и, не оглядываясь широкими шагами двинулся по красной ковровой дорожке, что тянется по коридору.

Через несколько минут Ларсен стоял в середине приемного зала, чувствуя, как горят щеки. Он сам не верил, что решился на это, и теперь остается только стойко выдерживать последствия своего выбора.

В витражные окна падает свет вечерних лучей и зал наполнен теплым приветливым сиянием. Но Ларсену прохладно, словно в помещении сквозит из подвала. Перед ним за широким столом черного дерева сидит городничий и, откинувшись на спинку стула, буквально впивается взглядом. На его обширном животе камзол натянулся и, кажется, ткань не выдержит, зеленый бархат треснет, а пуговицы разлетятся в стороны, как блестящие снаряды.

Лицо городничего серьезное, мясистые губы надуты, будто он собирается пускать пузыри, плоская шапочка съехала, открывая черные с проседью коротко остриженные волосы.

– Дорогой Ларсен, – проговорил городничий, складывая пальцы на животе, – ты вообще понимаешь, что говоришь?

Парень откинул со лба темную прядь, которая прилипла от пота, и, прочистив горло, проговорил:

– Да, господин Падэ. Я все обдумал.

Городничий фыркнул.

– Ха! Обдумал он. Ты себя слышал?

3

Ларсен еле сдержался, чтобы не застонать. Он знал, что разговор с господином Ушем Падэ будет тяжелым, но не представлял, что настолько.

– Я готовился, – после короткой паузы проговорил Ларсен, опасаясь, как бы голос не дрогнул и не прозвучал, как мышинный писк. – Поверьте, господин Падэ, это не минутное решение.

– У тебя ничего нет, – напомнил городничий, барабанив пальцами по столу и продолжая испытующе сверлить взглядом парня. – Ты пол жизни прожил у меня под крылом. И должен быть благодарен, а не строить планы, как сделать мою единственную дочь несчастной.

Ларсен кивнул.

– Я благодарен. И вовсе не собираюсь делать ее несчастной. Напротив. Я уверен, у меня есть все возможности стать достойным вашего уважения. Только позвольте осуществить задуманное.

Щеки городничего покрылись красными пятнами, шея побагровела, губы затряслись.

– Ты хочешь сделать предложение моей дочери! – взорвался он. – Ты! Подкидывай! У тебя нет ничего, кроме комнаты, которую тебе подарил я! Такую жизнь ты хочешь для

Элианы? Говоришь, понимаешь, что несешь? Так вот я тебе скажу – ты ни рожна не понимаешь!

Городничий задышал тяжело, как рассерженный тур, глаза налились красным, ноздри раздулись, и Ларсен подумал, что господин Уш Падэ и впрямь похож на быка.

Внутри все дрожало от гнева, страха и кучи других эмоций, которые рвутся на волю, но он не имеет права их выпускать.

Ларсен сделал вдох и проговорил:

– Господин Падэ, я для Элианы хочу только самого лучшего.

– Самого лучшего? – выкрикнул городничий. – Самого лучшего? Ты считаешь, что есть на завтрак, обед и ужин чечевичную похлебку это лучшее? Или носить лохмотья? А может, хочешь, чтобы она пошла работать, как простолюдинка?

Ларсен покачал головой.

– Нет...

– Она росла в достатке, у нее все есть, – продолжал городничий. – Я старался дать ей то, чего не было у меня, и я не позволю, чтобы минутное увлечение, девичьи фантазии разрушили ей жизнь. Ты меня понял, Ларсен? Ты меня понял?

В груди парня защемило так, что захотелось выть, но он кивнул.

– Я понимаю все, что вы говорите.

Городничий взгляделся в него, словно надеется прочесть

мысли, чтобы убедиться лично. Некоторое время он продолжал таращиться большими глазами цвета льда, потом с шумом выдохнул и немного расслабился.

– Пойми, Ларсен, – произнес он чуть спокойней, – я не имею ничего против тебя лично. Но есть вещи, на которые я пойти не могу. Я защищаю интересы города и его жителей. Но когда дело касается моей дочери, я особенно внимателен.

– Но она меня любит, – осторожно заметил парень. – И я её.

Городничий pokrивился, будто хлебнул лимонного сока.

– Может и так, – сказал он. – Но ее благополучие зависит, прежде всего, от благосостояния. Может первое время с милым рай и в шалаше. Но когда в животе третий день пусто, а чулки на пальцах прохудились и их нечем заштопать, тут уже не до милования. Уж поверь.

– Я не позволю Элиане нуждаться, – проговорил Ларсен.

– Каким, позволь спросить, образом? – поинтересовался господин Уш Падэ. – У тебя самого за душой ни гроша. Я знал, что ее дружба с тобой до добра не доведет, но надеялся, эта дурь выветрится, когда ты покинешь наш дом. Ты славный малый, Ларсен. И ты нравишься мне, иначе не позволил бы так долго жить в моем доме. Но тебе не хуже меня известно, что брак между вами не возможен. Я хочу искать жениха для нее из нашего круга и достатка.

Грудь Ларсена сдавила холодная лапа. Этих слов он боялся больше всего. В кошмарах ему снилось, как отец Элианы отказывает ему отдать дочь в жены, и он просыпался в холодном поту. Сейчас проснуться хотелось, как никогда сильно. Но пробуждение не наступало.

Сердце застучало часто, будто норовит пробить грудную клетку, дыхание участилось, в голове мелькнула безумная мысль и он проговорил быстрее, чем успел все обдумать:

– Я вас понимаю, господин Падэ. Но... Если я докажу, если я сумею убедить вас, что могу обеспечить Элиане достойную жизнь?..

– Как ты намереваешься это сделать? – с усмешкой спросил городничий. – Ты пришел свататься, но у тебя даже подходящего кольца нет. И, как ты понимаешь, это должно быть кольцо, не переплавленное из медного гвоздя у кузнеца. А настоящее. Изготовленное гномами из драгоценных металлов и камней.

Ларсен кивнул.

– Если я достану кольцо, вы позволите мне...

Но городничий его снова перебил.

– Если ты достанешь кольцо, я продолжу с тобой разговор. Но на этом пока все. Кольцо лишь докажет, что ты способен

на разовые поступки. Благосостояние же моей дочери нужно обеспечивать постоянно.

– Я вас понимаю.

– Это хорошо.

– Значит, шанс у меня есть? – уточнил Ларсен даже не веря, что смог выбить у городничего пусть крохотную, но возможность.

Господин Уш Падэ закатил глаза и произнес:

– Ларсен, шанс есть даже у жабы, при определенных обстоятельствах. Например, если маги Ардэна превратят ее в прекрасного богатого принца. Только вероятность, что кто-то из них заглянет в нашу глухомань ничтожна.

Несмотря на тон городничего, Ларсен ощутил, как в груди затеплилась надежда, он едва удержался, чтобы не заулыбаться, как дурак. У него была заначка, накопленная за долгое время. Особая, неприкосновенная, и Ларсен не собирался упускать такой шанс.

– Обещаю, – заверил он. – У Элианы будет кольцо. Настоящее, из лавки ювелира.

Господин Падэ окинул его хмурым взглядом и напомнил:

– Я тебе ничего не обещал.

– Вы дали мне надежду и возможность, – отозвался парень.

Дом городничего Ларсен покидал в спешке и даже не особо смутился, что попрощался с главой города не совсем по правилам этикета. Теперь его мысли целиком занимали сбережения.

С тех самых пор, как он стал работать, Ларсен откладывал по половине таафей с каждого заработка в особую шкатулку. Он мечтал, что однажды достанет из нее приличное состояние и на него купит домик с землей, посадит сад, будет разводить лошадей самой лучшей, терсиэльской породы, а на их продаже разбогатеет и станет не хуже городничего.

Но все это не имеет смысла, если ему не позволят быть с Элианой.

Таафей он еще заработает.

Вечер опускался быстро. Небо потемнело, появились холодные, как глаза озерных нимф, звезды, воздух посвежел, а со стороны леса, что на юге граничит с самим Терсиэлем, потянуло запахом сырой земли и листвы.

Ларсен, воодушевленный возможностью и неожиданным исходом разговора с городничим, почти бежал. Несколько раз налетал на прохожих, один из которых оказался габаритным огром. Он посмотрел на человека сверху вниз, как на блоху, маленькие глазки потемнели, а брови нахмурились.

– Гляди, куда прешь, – прогудел гигант.

Ларсен спешно отшагнул, извиняясь и вскидывая ладони в примирительном жесте.

– Извините, я случайно.

– Еще бы не случайно, – вновь произнес орг гулко. – Кабы не случайно, я бы тебе показал, где оргы зимуют. Топай отседава, малявка.

Чтобы не нервировать тугодумного, но очень сильного великана, Ларсен расплылся в виноватой улыбке и, пятясь, поспешил убраться.

Во дворик постоялого двора он буквально влетел.

Плотно закрыв за собой дверь, парень направился на задний двор, стараясь не попадаться на глаза и не издавать зву-

ков. В зарослях малины он опустил под дерево и принялся рыть. Рыл долго, руки устали, а под ногтями скопилась жирная земля. Когда яма достигла длинны в метр, пальцы царапнули о твердое.

Ларсен облегченно выдохнул. Шкатулка, куда он складывал заработанные таафей каждый месяц – надежно укрыта под сенью дерева, а в колючках малины никто не догадается копать.

Сунув коробок подмышку, он, озираясь и пригибаясь, как тать, шмыгнул к задней звери и быстро поднялся по лестнице.

Когда оказался в комнате, плотно закрыл за собой дверь и задвинул защелку.

– Там должно быть достаточно, – проговорил он, отпирая маленький замок.

Шкатулка оказалась на половину забита разными кристаллами, которые во всей Виридии зовутся таафей и используются в качестве денег. Виридия большая страна, поэтому еще на ее заре было решено, что приниматься в уплату будут любые драгоценные кристаллы, добываемые в разных подземельях и шахтах. В ювелирных же изделиях использовали совсем другие камни. Их доставляли из тех мест, куда обычным жителям ходу не было. Потому их стоимость и стоимость таафей отличались.

Ларсен провел пальцами по сверкающим граням, пальцы задрожали.

– Поверить не могу, что от этого зависит мое счастье, – произнес он.

Пересчитав все камни, он с довольным лицом переложил их в мешочек, чтобы удобнее поместились в карман. Затем лег спать, подсунув его под подушку.

Снилось опять что-то смутное и непонятное. Он куда-то бежал, пытался прорваться сквозь какую-то стену. Но безликая толпа вокруг цеплялась за ноги и не пускала. Ему неистово хотелось попасть на другую сторону, словно от этого зависит его судьба. Однако, как обычно, едва добирался до заветной калитки, он просыпался.

В этот раз все случилось по ровно тому же сценарию. Ларсен поспешил смыть с себя остатки сна, окунув голову в таз с водой, затем насухо вытер волосы. Одевшись в свежие штаны и новую красную рубаху, он пригладил волосы и, взяв полную кошину таафей, которые копил целый год, вышел из дома.

Утро только занялось и солнце открасило верхушки деревьев мягким золотистым цветом. Лес рядом с Околом просыпался, постепенно наполняясь птичьими трелями и шорохами зверей, которые выползли по делам.

Городок тоже пришел в движение – небольшие повозки на одну персону покатались по дорогам, булочники стали спешно открывать лавки, разносчики новостей спешили распихать конверты по почтовым ящикам.

В такую рань Ларсен встал специально, чтобы первым успеть в лавку ювелира. Пешком до нее около часа пути, но

он не мог позволить себе потратиться на моноколесницу.

Проходя мимо витрин, он косился на свое отражение, боясь, что выглядит не достаточно хорошо для покупки ювелирного изделия. Хотя друзья убеждали, что Ларсен собой весьма неплох – высокий, с широкими плечами и узкой талией, суховатый, но по словам цветочницы, его это только красило. Ларсен подозревал, что цветочница в него тайно влюблена, и потому готова говорить любую ерунду, лишь бы угодить. Впрочем, возможно он действительно к себе слишком строг. Если верить моде, девушки любят голубоглазых брюнетов, а он именно такой.

– Ларсен! – окликнул его кто-то. – Парень, ты куда в такую рань?

Обернувшись, он покривился, увидев на другой стороне улицы горшечника – главного сплетника Околода. Учтывая, что Околод – город маленький, больше напоминающий разросшуюся деревню, новости в нем разносились со скоростью чиха. Особенно если в нем прикладывал свою мясистую лапу горшечник.

– Доброе утро, – нехотя поздоровался Ларсен, всем видом показывая, что торопится.

– Спешишь, да? – поинтересовался горшечник и стал перебегать дорогу, рискуя угодить под колеса моноколесницы.

Возничий прокричал ему что-то грозное и нелицеприятное в след, но горшечник не обратил внимания. С широкой улыбкой во все тронутые желтизной зубы, он приблизился и

протянул ладонь.

– Ну, здорова! – проговорил он. – Ты что, спешишь?

Ларсен выдавил вынужденную улыбку, тратить время на разговоры с горшечником не хотелось, но грубить тоже не стоило – горшечник и об этом насплетничает, да еще приплетет своего. Потом окажется, что Ларсен его оскорбил, оболгал и вообще избил на улице прямо посреди бела дня.

– И тебе доброго, – нехотя произнес Ларсен и посмотрел в сторону, как бы намекая, что да, времени у него совсем нет. – Спешу, угу.

– Неужто ль в трактир? – с усмешкой спросил горшечник. – Слышал туда аж из самого Брасса завезли отменное вино. Сам не пробовал и не видел, но вчера заходил гном за вазонами, сказал, что да, вино что надо. Кертерберийское, трехлетней выдержки. В Брассе, говорят, есть какие-то очень крутые виноградники. Дорогущие. Семейное дело вроде.

– Знаешь, – натянуто улыбаясь и косясь в сторону, произнес Ларсен, – с тобой правда очень интересно разговаривать. Но у меня дела.

– Да какие дела? – продолжил допытываться горшечник. – Утро раннее, а ты уборщик в кожевенной лавке. Ты ж вроде только по вечерам драишь полы. Или нет? Не хочешь поделиться со стариной горшечником?

При этих словах мужчина подбоченился и прищурил левый глаз, будто они старые друзья, а он только и ждет душещипательных откровений.

Ларсена передернуло. Он терпеть не мог, когда ему напоминают, кем работает – мало кто из парней двадцати лет мечтает вкалывать полумойкой у кожевника в лавке. Там всегда стоит жуткий запах, а к вечеру пол покрывается черными следами, будто кожевник нарочно топчется в грязи, чтобы потом испачкать. Но стоило отметить – платил он хорошо и регулярно, и Ларсену грех было жаловаться, поскольку в его положении найти работу не просто.

Ему вообще повезло, что не сгинул где-нибудь в канаве. Родителей, к своей жгучей досаде, не помнил – его нашли под кустом ежевики погожим летним днем, когда ему было пять лет от роду. С тех пор он пытался найти хоть какие-то сведения о себе и своей семье, но словно какая-то сила отгораживала его от всего, что могло бы пролить свет на тайну его рождения – то почтальон, которые вез старые газеты вдруг увольнялся и уезжал, то книга учета в ратуше неожиданно терялась, то попросту начиналась гроза, не позволяющая попросту выйти из дома.

Городничий взял маленького Ларсена к себе в дом на кухню. Там он и рос до четырнадцати лет. А как достиг рабочего возраста, направили трудиться, выделили маленькую комнату на втором этаже постоянного двора недалеко от центра города. С тех пор Ларсен мотался, подрабатывая то там, то

здесь, на подхвате. А год назад у кожевника освободилось место, и Ларсену повезло – его взяли.

Он был благодарен городничему за все, что сделал для брошенного ребенка. Но, как любой нормальный мужчина, мечтал о славе, подвигах и времени, когда не придется считать каждый таафей.

Однако, существовала еще одна причина, по которой Ларсен изо всех сил старался стать лучше. У этой причины длинные смоляные волосы, большие глаза цвета небесной лазури и губы, к которым хочется прикоснуться.

В задумчивости он не заметил, как горшечник машет у него перед носом ладонью, и очнулся лишь, когда тот попытался щелкнуть ему по носу.

Резко отклонившись, Ларсен выдохнул:

– Ты что творишь?

– А ты чего спишь на ходу? – отозвался горшечник. – Все об Элиане думаешь? Расслабься, парень. Она тебе не по зубам. Дочки городничих не водятся с такими заморышами. Ты уж прости.

Ларсен хмуро покосился на горшечника. В его словах слишком много правды, от этого хотелось прямо пнуть сплетника посильнее, чтобы не давил на больную мозоль.

Но сказал:

– Не твое дело. Мне действительно пора.

Не желая больше слушать болезненной правды от главного болтуна Околода, он широкими шагами направился по улице.

Солнце поднялось выше, заливая городок мягким золотистым светом, в раскидистых кронах что-то защебетали птицы на только им понятном языке. Но Ларсен их почти не замечал – мысли заполнило одно.

Элиана. Слова горшечника задели именно потому, что в

них много правды. Дочка городничего, красавица и самое прекрасное существо, какое ему приходилось встречать. Пока были маленькими, им позволялось вместе играть. Все детство Ларсен провел с Элианой, бегая по цветочным полянам, забираясь на деревья, из-за чего гувернантка Элианы каждый раз визжала от ужаса. Они росли вместе и, чем больше Ларсен проводил с ней времени, тем больше осознавал, что влюблен. Влюблен так, что никто другой ему никогда не будет нужен.

Отец Элианы, господин Уш Падэ, видимо понял, к чему может привести дружба детей, но слишком поздно – Ларсен прикипел к девушке всерьез. Он был уверен, Элиана испытывает к нему то же самое.

Поэтому господин Падэ поспешил отослать его подальше. Но Ларсен и Элиана продолжали видеться. Тайком, по вечерам возле тисовой рощи на самом окраине Околода.

– У меня будет для тебя подарок, – проговорил на одной из таких встреч Ларсен.

– Какой? – спросила Элиана, и ее ресницы запорхали, как крылья бабочки.

Ларсен улыбнулся и ответил:

– Увидишь. Это подарок. Сюрприз.

Теперь же он изо всех сил спешил в лавку ювелира. Если он докажет господину Падэ, что достоин его дочери, что сможет обеспечить ей соответствующую жизнь, городничий не станет препятствовать. Он позволит им видеться не таясь.

Он должен дать им шанс. Должен дать шанс ему.

Завернув за угол, Ларсен, наконец с облегчением увидел заветную лавку – с широкой витриной и красным козырьком над крыльцом. На стене у двери колокольчик.

Подойдя, он позвонил два раза, затем осторожно толкнул дверь и вошел. Перед лавкой ювелира Ларсен испытывал странный трепет и благоговение. Столько драгоценностей в одном месте, удивительные украшения, невероятные гравировки и огранки – все это казалось чем-то волшебным.

9

За прилавком приземистый ювелир – гном по виду и натуре. На голове лысина, по краям которой все еще остались седые волосы и торчат вверх, как рога, зато борода длинная, белая и курчавится до самого живота. Темные глаза внимательно изучают Ларсена, а сам гном не глядя протирает махровой тряпочкой браслет из золота.

– Вы что-то хотели? – спросил гном чуть скрипучим голосом.

Ларсен, в который раз, окинул лавку восторженным взглядом и проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.